
Т. В. ПАНФИЛОВА

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Проблема исторического детерминизма для философии не нова. Но время от времени к ней приходится возвращаться, поскольку изменения философских представлений влекут за собой изменения во взглядах на обусловленность исторического процесса, на природу исторических закономерностей, как, впрочем, и на факт их существования. Однако вопрос об исторических закономерностях, на мой взгляд, упирается в трактовку исторического процесса до такой степени, что рассуждения об их существовании или несуществовании теряют смысл, если предварительно не прояснить, что мы понимаем под историческим процессом. В то же время нередки случаи, когда под историческим процессом понимается все, что имело место в истории человечества, причем обычно не объясняется, на каком основании все исторические события охватываются единым термином. Разумеется, в таких случаях термины «история» и «исторический процесс» употребляются как взаимозаменяемые, что мне представляется неоправданным. Столь же проблематичным представляется мне отождествление «истории» и «всемирной истории». О необходимости различать все эти понятия мне уже доводилось писать¹. Трактовка исторических закономерностей, предложенная в данной статье, опирается на изложенные в предыдущих публикациях представления об истории и всемирно-историческом процессе.

---

¹ См.: Панфилова Т. В. Некоторые проблемы осмысления всемирной истории // Философия и общество. 1998. № 6; Она же. Личность во всемирной истории (Методологические аспекты). М., 1999.

На первый взгляд кажется логичным начать с вопроса об объективном существовании исторических закономерностей, ибо о чём говорить, если таковые не существуют. Однако прежде чем утверждать об их существовании или несуществовании, надо уяснить себе, что именно мы собираемся искать. В противном случае может оказаться, что автор и читатель вкладывают разный смысл в один и тот же термин, откуда возможно взаимное непонимание. Значит, придется предварительно разобраться в том, что мы называем историческими закономерностями.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Попробуем выявить наиболее распространенное и обычное определение исторической закономерности, для чего обратимся к «Философскому энциклопедическому словарю». Обнаружим, что в нём таковое отсутствует. Там приводится лишь статья об общественной закономерности, под которой понимается «объективно существующая, повторяющаяся, существенная связь явлений общественной жизни или этапов исторического процесса, характеризующая поступательное развитие истории»². Поскольку в приведенном определении упоминаются исторический процесс и его этапы, можно предположить, что историческая закономерность рассматривается как разновидность закономерностей общественных. Если это так, то характеристики общественных закономерностей должны характеризовать и закономерности исторические.

В приведенном определении есть ряд моментов, важных для последующего обсуждения: 1) общественная закономерность признается объективно существующей; 2) историческая закономерность считается разновидностью общественной, выражающей связь «этапов исторического процесса»; 3) история рассматривается как единый поступательный процесс, обладающий «сквозными» закономер-

---

² Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 188.

ностями; 4) повторяемость признается важной характеристикой связи явлений общественной жизни, показателем ее существенного характера.

Примем без рассмотрения то, что приведенное определение дает последовательную интерпретацию общественных закономерностей. Я буду касаться только вопроса о том, насколько оно приемлемо для осмысления истории.

Начнем с того, что фактически в определении подразумевается признание «сквозных» законов истории, действующих на всем ее протяжении, каковое, в свою очередь, базируется на допущении, согласно которому история представляет собой единый поступательный процесс, что, на мой взгляд, нуждается в доказательстве. Не останавливаюсь на этом тезисе подробно, поскольку мне уже доводилось писать об этом в упомянутых публикациях. Отмечу лишь то, что сторонники подобной позиции не привели ни одного убедительного довода в ее подтверждение. Скорее она принимается как само собой разумеющаяся. Все дружно подчеркивают наблюдаемое ныне упрочение единства истории, столь же дружно избегая вопроса о том, а имело ли место искомое единство раньше.

С моей же точки зрения, коль скоро нет оснований утверждать, будто история *всегда* представляла собой единый целостный процесс, внутренне скрепленный системой существенных связей, разумно признать то, что в действительности есть: история только ещё *становится* единой, т. е. превращается в целостный всемирно-исторический процесс, но она не была таковой на всем своем протяжении. То, что принято называть «историей», представляет собой набор исторических событий или явлений, которые мы охватываем общим термином благодаря наличию в них некоторых *сходных* признаков, но которые объективно могли и не иметь связей между собой, а стало быть, могли и не составлять реальной *общности*, т. е. внутренне организованного единства.

Чтобы понятийно разграничить исторический процесс, действительно становящийся единым целым, и конгломе-

рат исторических явлений, в которых исследователь обнаруживает нечто сходное и поэтому обозначает их общим термином, но внутри которого существенные связи могли и отсутствовать, я предлагаю называть первый «всемирной историей, или всемирно-историческим процессом» (эти термины я употребляю как тождественные), тогда как термин «история» оставить для обозначения совокупности исторических событий безотносительно к тому, есть между ними объективные связи или нет. Получается, что всемирно-исторический процесс охватывает не всю массу исторических событий и явлений, а только ту ее часть, которая скрепляется системой реальных и существенных связей, зато наличие последних позволяет с полным основанием ставить вопрос о закономерностях всемирно-исторического процесса, в противовес закономерностям «истории вообще».

Таким образом, в свете предложенного истолкования истории и всемирной истории существование «сквозных» законов *истории* оказывается под вопросом, а проблема объективности исторических закономерностей переносится из «истории вообще» в сферу изучения целостных исторических процессов.

Что касается «истории вообще», то в отдельных ее фрагментах, не связанных между собой воедино необходимыми связями, можно выявить лишь *сходные* моменты, проявления *одинаковости*, но не *общности*, понятой как внутреннее единство. Отсюда получается, что если для «истории вообще» и характерны какие-то закономерности, то только фиксирующие частоту, распространенность и в этом смысле повторяемость некоторого явления, а вовсе не существенные связи, обеспечивающие переход от одного исторического этапа к другому. Хотя выделенная таким способом закономерность может касаться всех без исключения исторических явлений, а значит выглядеть универсальной в расхожем смысле слова, ее нельзя назвать «универсальной» в диалектическом смысле, т. е. способствующей постоянному развитию процесса на основе внутренних

противоречий, поскольку она не затрагивает сущности исторических процессов.

Правомерно ли в обоих случаях называть выделенные закономерности историческими? Ясно ведь, что речь идёт о разных вещах, которые мы, однако, называем по-одинаковому. Боюсь, что в данном случае слово «повторяемость» вводит в заблуждение своей двусмысленностью, ибо повторяемость можно зафиксировать в смене этапов исторического процесса, а можно – в сходстве как сосуществующих, так и одновременных моментов. В первом случае речь идет о процессе, для которого повторяемость некоторых черт служит выражением его внутренней целостности, преемственности его особенностей, тогда как во втором случае повторяемость свидетельствует о том, что какое-то явление представляет собой единицу определенного рода явлений, между которыми реальные отношения вовсе не обязательны, хотя между ними наблюдается сходство.

Видимо, следует различать закономерности, *действующие в истории*, и собственно *исторические* закономерности. На мой взгляд, имеет смысл называть исторической закономерностью только существенную связь исторических явлений, представленную в необходимой последовательности событий на основе целостной системы отношений. Если же речь идет о повторяемости как выражении сходства единиц определенного рода, то я бы предпочла говорить об эмпирически выведенной или о статистической закономерности с возможной поправкой на общественный характер изучаемых явлений. К такого рода закономерностям я причисляю и так называемые сквозные законы истории, за которые выдаются закономерности, выведенные в результате эмпирических обобщений, или статистические закономерности, действительно представленные в истории, но выражающие не сущность исторического процесса, а сходство некоторых исторических явлений, и в этом смысле их повторяемость или их количественную распространенность. Различие между эмпирически выведенной и соб-

ственно исторической закономерностью восходит, по моему, к различию между формально общим и содержательно общим. И хотя не исключено, что с помощью эмпирически установленных закономерностей удастся уловить какие-то стороны развития интересующего нас явления, нет оснований надеяться осмыслить сущность происходящего, опираясь на них, поскольку они выводятся путём сопоставления *сходных* явлений, а не благодаря изучению *объединенных* в единое целое.

Мне кажется сомнительным называть историческими или общественными закономерностями эмпирически выведенные или статистические закономерности, ибо ни ход всемирной истории как единого целого, ни особенности общественного развития они как раз и не характеризуют. Поэтому, на мой взгляд, ставить вопрос об исторической закономерности имеет смысл лишь после того, как мы обнаружим в истории устойчивый целостный процесс, поэтапное движение которого мы и будем осмысливать в понятии «историческая закономерность». Тогда выявление исторических закономерностей будет представлять собой процесс познания исторически целостного образования в его развитии.

Понятие общественной закономерности оказывается более широким и включает в себя, скажем, и закономерности функционирования общественной системы в определенный исторический момент, и собственно исторические закономерности. Важно подчеркнуть, с моей точки зрения, что и общественная закономерность обнаруживается только в рамках целостной общественной системы. Не вижу оснований называть общественными закономерностями абстрактно выведенные положения, выражающие формальное сходство некоторых общественных или исторических явлений.

Чтобы понятийно выделить историческую закономерность из совокупности общественных закономерностей, предлагаю следующее рабочее определение: *историческая закономерность представляет собой объективно реаль-*

ную, существенную связь явлений целостного исторического процесса, обеспечивающую его движение.

ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

Исходя из предложенного определения, получается, что прежде чем искать в истории закономерности, надо найти целостный исторический процесс, последовательно проходящий ряд этапов. Такая картина, на мой взгляд, характерна для единой всемирной истории, которая действительно опирается на единую систему существенных связей, обеспечивающую целостность процесса. Мыслимы также целостные исторические процессы, имеющие локальный характер и не обязательно включенные во всемирную историю. Существенные связи, обеспечивающие поэтапное движение целостных локальных процессов, думаю, тоже вполне правомерно осмысливать в понятии «историческая закономерность».

Чтобы терминологически разграничить закономерности всемирной истории и закономерности локальных исторических образований, предлагаю в первом случае говорить о всемирно-исторической, или универсальной закономерности, а во втором случае использовать термин «локальная, или частная историческая закономерность». Словосочетание «универсальная закономерность», равно как и «общая закономерность», на мой взгляд, оправдано только в применении к всемирной истории, поскольку последняя представляет собой целостный процесс, развивающийся на основе собственных противоречий, благодаря чему он способен стать всеобъемлющим, втягивая в свою орбиту все новые элементы и преобразуя самого себя. Другими словами, всемирно-исторический процесс представляет собой универсальное историческое образование в диалектическом смысле слова «универсальный». Будучи целостным образованием, такой процесс обладает внутренней логикой, которая выражается в объективных закономерностях. Иначе говоря, предложенное истолкование всемирно-

исторического процесса требует признания объективного существования исторических закономерностей. Почему же вопрос об их объективном существовании остается спорным? Какова позиция противников признания объективности исторических закономерностей?

Одним из наиболее известных авторов, отрицающих объективное существование общественных закономерностей вообще и исторических закономерностей в частности, является К. Поппер, посчитавший надежду на то, что когда-нибудь будут открыты «законы движения общества», результатом непонимания. «Поскольку не существует движения общества, сколько-нибудь подобного или аналогичного движению физических тел, то не может быть и соответствующих законов движения»³, – такова его позиция. Очевидно, что образцом науки для Поппера является физика и сложившееся в ней представление о движении.

Готова согласиться с Поппером в том, что для общества нехарактерно физическое движение, откуда, однако, вовсе не следует, будто в обществе не существует никакого другого. Логичнее, на мой взгляд, следующее умозаключение: коль скоро обществу несвойственно физическое движение, развитие общества не подчиняется законам движения физических тел. Тогда важнейшей задачей общественной науки оказывается прояснение специфики общественного развития. Что же касается исторических закономерностей, то в этом вопросе, с моей точки зрения, без философии истории не обойтись, ибо для ответа на него необходимо разобраться как в особенностях самого исторического процесса, в специфике его детерминации, так и в познавательных возможностях, которыми мы располагаем. Если будет обнаружена объективная детерминация целостного исторического процесса, правомерно будет говорить об исторических законах. В любом случае искать их надо в самом историческом процессе, не полагаясь на возможность позаимствовать их из физики, как, впрочем, и из любых

---

³ Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 34.

других научных дисциплин. Иными словами, вопрос об исторических закономерностях представляет собой проблему общественных наук и философии истории, а не науки вообще, под которой зачастую понимаются науки естественные или, в лучшем случае, междисциплинарные исследования, в которых, однако, историческая специфика уже отсутствует.

Но Поппер к философии истории не обращается и ничего нового в истолковании исторического процесса не предлагает. Он просто некритически принимает традиционное представление об истории как о совокупности всех исторических явлений и событий и, обнаружив, что принцип историзма в таком образом истолкованной «истории» не работает, отвергает его как несостоятельный «историцизм».

Совершенно согласна с Поппером в том, что для истории, понятой как совокупность всех исторических явлений и событий, исторические закономерности действительно нехарактерны, о чем уже было сказано. Впрочем, отсюда вовсе не следует, будто раскритикованный Поппером «историцизм» – это адекватная трактовка принципа историзма в его применении к целостным историческим процессам. К ним надо подходить с мерками, соответствующими характеру внутренне связанных исторических процессов, тогда как Поппер даже не выделяет их из общей массы исторических явлений, не говоря уж о попытках их осмысления.

Вероятно, на позицию Поппера повлияло одно из положений неокантианства, согласно которому «наука, формулирующая законы и вместе с тем желающая быть учением о принципах истории, ...*логически невозможна*»⁴. Не разделяя этой позиции, как и неокантианских взглядов в целом, я всё же признаю неокантианца Г. Риккерта в какой-то мере своим союзником в осмыслении всемирной истории как целостного объекта. Вот что Риккерт, в частности, заявляет: «Под историческим универсумом ... следует во всяком случае понимать наиболее обширное историческое *целое*, ка-

---

⁴ Риккерт Г. Философия истории. В кн.: Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. С. 226.

кое только возможно мыслить, а следовательно, нечто такое, что по своему понятию уже является чем-то **единичным** и индивидуальным, причём объекты специальных исторических исследований должны быть индивидуальными **членами** этого целого. Кроме того, принципы истории должны быть вместе с тем принципами **единства** этого универсума»⁵.

Признание всемирной истории некоей целостностью кардинально меняет, на мой взгляд, подход к вопросу о закономерностях всемирной истории и вынуждает исследователя пересмотреть обычную трактовку исторической закономерности как повторяемости явлений, что и было сделано в предыдущем параграфе. Тем не менее хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что до тех пор, пока мы считаем повторяемость явлений отличительной чертой исторического закона, мы закрываем для себя вопрос о возможности осмысливать развитие индивидуального целого в категории «закон». Поскольку такая возможность изначально исключена, нет ничего удивительного в том, что последующие рассуждения приведут нас к выводу о неприменимости этой категории к единичному и индивидуальному целому. Вопрос лишь в том, на каком основании мы трактуем закон столь одномерно.

Правда, Риккерт, на мой взгляд, оказался заложником необоснованно зауженной трактовки закона как понятия, свойственного генерализирующим наукам. В результате специфика того, что он сам назвал «историческим универсумом», а я бы предпочла назвать «всемирно-историческим процессом», с моей точки зрения, осталась у него необъясненной. Остановившись на односторонней трактовке закона, он закрыл себе путь к выявлению всемирно-исторических закономерностей, а стало быть, и к научному объяснению всемирной истории.

В то же время, признав всемирную историю единым целым, он оказался моим союзником в полемике против

---

⁵ Риккерт Г. Философия истории. В кн.: Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1998. С. 226.

Поппера, ибо из его признания следует, что сопоставление теоретической истории с теоретической физикой не имеет под собой достаточных оснований или, по крайней мере, нуждается в специальном объяснении. Предметы этих наук не только качественно различны, но и выделены, вероятно, по разным основаниям. Не будучи специалистом в области теоретической физики, не возьму на себя смелость сформулировать ее предмет. Вместе с тем, для меня очевидно, что объекты, изучаемые теоретической физикой и теоретической историей, слишком различны для того чтобы без дополнительных обоснований считать их аналогичными, и из того, что, как полагал Поппер, невозможна теоретическая история, *подобная* теоретической физике, на мой взгляд, вовсе не следует, будто теоретическая история вообще невозможна. Меня вполне устроила бы теоретическая история, не похожая на теоретическую физику.

Таким образом, конечной причиной, по которой Поппер отрицает объективное существование исторических законов, является, на мой взгляд, его метафизический подход к истории, мешающий увидеть реальный всемирно-исторический процесс в его закономерном разворачивании.

Отрицание объективного характера исторических закономерностей возможно и по другой причине: в связи с проблемой их осмысления, с их понятийным выражением.

Так, Л. Е. Гринин протестует против признания законов объективными, отстаивая мысль об их субъективном и условном характере, поскольку законы формулируются людьми под влиянием их мировоззренческой позиции, уровня развития науки, задачи данного исследования и прочих обстоятельств, обуславливающих мысленное ограничение изучаемой реальности, в результате чего закон не совпадает с реальностью. Реальность объективна, заявляет автор, а закон – нет⁶.

Согласившись с тем, что выделение изучаемой реальности обусловлено рядом обстоятельств, правомерно задаться

---

⁶ См.: Гринин Л. Е. Формации и цивилизации // Философия и общество. 1998. № 6. С. 29–30, 45.

вопросом: каковы по происхождению эти обстоятельства? Следует ли считать, что в основе субъективного выбора лежит объективная общественная потребность развития теории и практики или же выбор исследователя совершенно произволен и ни на что объективное не опирается? В первом случае пришлось бы признать, что закон все-таки объективен, поскольку и мера субъективности задается объективно, с чем Гринин, выходит, не согласен. Во втором же случае мы получим чистейший субъективизм, против чего автор – судя по контексту его работы – возражает. Фактически он призывает занять компромиссную позицию и признать, что в «законе в той или иной пропорции *сосуществуют* (выделено мной. – Т. П.) и объективность (поскольку дело касается анализа существующей независимо от сознания реальности) и субъективность (поскольку сознание всегда препарирует и комбинирует реальность)»⁷.

В приведенной цитате ключевым словом для меня является «сосуществуют». Оно особенно ярко высвечивает налет метафизичности в рассуждениях автора: сначала объективное и субъективное были метафизически разведены, а затем начался поиск их сочетания. По существу, автор возражает не столько против признания объективности законов в диалектическом смысле, сколько против *объективистского* их истолкования, при котором закон трактуется как некая самостоятельная объективная сущность. Но вместо того, чтобы подвергнуть критике метафизический подход к осмыслению истории, одним из результатов которого и является объективизм, он предлагает искать «правильные» пропорции объективного и субъективного. Если же правильность их сочетания определяется самим ходом развития науки в применении ее к практике, что специально отмечает автор, поскольку признает «закон» важным средством познания действительности, то мы возвращаемся к диалектической концепции единства объективного и субъек-

---

⁷ Гринин Л. Е. Цит. соч. // Философия и общество. 1997. № 1. С. 38.

ективного в процессе познания, от которой автор по непонятным причинам изначально отказался.

Поневоле приходит на память известное изречение: новое – это хорошо забытое старое. Стоило ли в данном случае изобретать что-то по видимости новое, тогда как хорошо забытая ныне диалектическая методология остается невостребованной? Из-за того, что теоретические разработки классиков диалектики не всегда удается использовать в готовом виде, поскольку многие из них устарели, разработанная ими методология тоже вроде бы выглядит скомпрометированной, что, по моим представлениям, вовсе не обязательно. Эффективность или неэффективность методологии надо доказывать особо.